

УДК 821.161.1\82-1

ЭКЗИСТЕНЦИЯ КАК ПАРАДИГМА ПОСТИЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.СОЛОГУБА

Штепенко А.Г.

Философско-религиозные искания рубежа XIX-XX веков характеризовались стремлением дать определение миру и человеку в координатах новых ценностных категорий. В русской литературе Серебряного века под влиянием философских идей А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, Н.Бердяева, Л.Шестова, В.Соловьева происходит «экзистенциализация» человеческого сознания, когда художник обращается к описанию познающего себя свободного субъекта на фоне трагической абсурдности жизни. «В абсурдном, пустом, по Сартру, мире, где нет «бога» и нет идеалов, остается одно – судьба-призвание (*existentia*), которой человек стоически и беспрекословно подчиняется» [7, с.28]. *Актуальность.* Поскольку исходной позицией экзистенциализма является не общество, а индивидуальное сознание, фокус писательского внимания смещается в сторону от реальной жизни. Роковое Нечто, недоступное человеческому разуму, занимает важное место в художественном мире произведений русских символистов, которые рисуют человека существом антиномичным, принадлежащим двум мирам – социальному и космическому, причем именно второй концентрирует в себе доминирующие над ним силы.

Рассмотрение взаимопроникновения философской, психологической и мистической проблематики на примере творчества одного из значительных писателей рубежа XIX-XX веков Федора Сологуба послужило основанием для постановки *цели* статьи: рассмотреть понятие экзистенции как парадигмы сущности постижения Символа, лежащего в основе философско-эстетической концепции Ф.Сологуба, выступающего в авторской интерпретации в образе Единого.

Постановка проблемы. Как отмечают многие исследователи-литературоведы, творчество Ф.Сологуба с его трагическим надломом, со страстным исканием божественной истины являет собой достаточно редкий образец философской исповеди, где такие фундаментальные проблемы, как смысл жизни, бытия, существования, становятся базисом для авторских метафизических построений (С.Ильев, М.Павлова, Ю.Гуськов). Можно сказать, что основные истоки творчества писателя, корни его философствования содержатся в экзистенциальной проблематике мира и человека. «Основной интерес Сологуба, центральный пункт его переживаний и одержимости – это подспудная душевная жизнь человека» [1, с.118].

Раскрывая метафизику одиночества человеческого «Я», Федор Сологуб ориентируется на поиск цельного подлинного бытия, или экзистенции, которая дается человеку сначала в бунте и восстании против мира, а затем в утверждении своей творческой воли. Указывая на одиночество человека во враждебном ему мире, автор подводит нас к осмыслению проблемы подлинного бытия – жизни, сокрытой в надмирном, сверхбытийном существовании. Стремление человека к свободе как к сверхбытию говорит о наличии некоего первоначала, точки опоры, в котором сокрыт подлинный смысл жизни. Эту смысловую функцию несет в себе экзистенция как онтологическое единство, дающее право осознать свое «Я» как цельное и вечное существование, равное Богу. Путь к экзистенции представляет собой путь страдания, безумия и смерти; путь тотального одиночества, когда враждебная действительность

противостоит внутренне цельному миру. Бунт одинокой души является предпосылкой для экзистенциального осмысления мира. Так осуществляется поворот сологубовской мысли к Единому. Говоря об экзистенции, Сологуб стремится обрести смысл не только в мироотрицании, но и утверждению положительного творческого бытия, вырастающего иной раз на грани абсурда. По мнению В.Келдыша, «мысль Сологуба об отчужденной человеческой сущности...предвещает литературу абсурда» [2, с.96]. Таким экзистенциальным бытием является у него Мечта как способ преобразования мира. Именно благодаря Мечте поэт способен жить в тварном, несовершенном мире, закрывая глаза на его ничтожество и враждебность. Таким образом, Мечта достигается при помощи погружения в себя, при этом художник мыслит себя творцом и магом, создателем иного мира. Экзистенция Сологуба и начинается с магии. В этом, собственно, и проявляется его символистское мирозерцание, направленное на единство несоединимых мировых начал. Автора влечет желание показать новые пространства, новые горизонты познания, где перед взором читателя встают вымышленные города мечты и блаженства:

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далекой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит все блаженство бытия [4, с.83].

Эти строки погружают нас в божественную нирвану, перед нами предстает не просто поэт, а пророк, возвещающий новое откровение – новый мир, «творимую легенду», где нет «мелких бесов» уродливой действительности.

Экзистенция как подлинно сущее бытие предстает у Сологуба сквозь призму мистического мирозерцания; перед нами возникает величественная картина творения, где зрится в далеком пространстве образ нового единства:

В последнем свете злого дня
В паденьи сил, в затменьи Бога.
Перед тобой моя дорога.
Приди ко Мне, люби Меня.
В мирах все призрачно и тленно,-
Но вот Я заповедь даю,
Она вовеки неизменна:
Люби меня и жизнь мою.
Я все во всем, и нет Иного.
Во мне родник живого дня.
Во тьме томления земного
Я – верный путь. Люби меня [4, с.194].

Символика этого поэтического текста находится на поверхности: некто Единый не только приравнивается Богу, но даже берет на себя смелость возвыситься над ним через отрицание самого божественного существования. В единстве земного и надмирного, преображенном творческой волей автора, экзистенция является образом высшей реальности. Проникновение в вечность делается возможным благодаря творческому священнодействию, разрушающему границы земного бытия. Именно эти границы рождают раздвоение и – как следствие его – трагичность земного существования, где Время сжигало Вечность, а разрыв между случайностью и необходимостью, между Айсой и Ананке казался непреодолимым.

Человек, раздавленный земным существованием, тщетно пытается обрести в нем смысл жизни. Сологуб в своих произведениях выдвигает тезис о том, что экзистенция оказывается недостижима в материальном существовании – подобно кривому зеркалу. Эта «кривизна» и мешает миру Мечты стать областью Чистого духа. Поэтому писатель неоднократно указывает на то, что экзистенция достижима лишь в синтезе вечного с временным, где разрушаются

ЭКЗИСТЕНЦИЯ КАК ПАРАДИГМА ПОСТИЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.СОЛОГУБА

границы предметного мира. По мнению Сологуба, действительность можно отрицать, но можно ее и преобразовать. Последнее дается гораздо труднее, ибо требует от человека наивысшей концентрации воли. Но именно это магическое действие и выходит у автора на первый план. Отсюда рождается тезис об искупительной силе творчества, где, движимое силой единой воли, «Я» преодолевает времена и пространства, являя собою органическую силу единства. И, принимая это единство, поэт бросает вызов времени, провозглашая волю своего «Я» единственной реальностью:

Пусть будет все, не так как было.
Пусть будет все, как я хочу.
Я дам по красному лучу
Тому, что прежде белым было.
Себе я веки золочу,
Чтоб было все не так, как было,
Чтоб было все, как Я хочу [4, с.293].

В этих строках мы видим утверждение бытия через его отрицание. Преображенное «Я» становится у Сологуба в центр мироздания, на место низвергнутого Творца. «Я» как Единое заключает в себе Все и Ничто, образуя универсальное бытие.

Центральная мифологема писателя, воплощенная в образе Дон Кихота, как раз и раскрывает нам смысл этой экзистенции единства. В своем безумии, в безудержной фантазии Дон Кихот отвергает действительность, он намеренно выключает из своего сознания все уродливое и несовершенное, тем самым говоря миру решительное «нет». Но, преобразая мир своего «Я», творя из него сказочную легенду, делая из грубой Альдонсы прекрасную Дульсинею, он говорит миру «да». Так полярные противоположности сходятся под действием единой воли, миф преломляется сквозь призму мистики в символ Единого. В этом символотворчестве «по закону тождества полярных противоположностей необходимость и свобода – одно. Поэт говорит необходимости: ты – моя свобода. И говорит свободе: Ты – моя необходимость», – объясняет эти превращения автор [5, с.164].

Говоря о магическом творчестве, сравнивая поэта с заклинателем и жрецом, Сологуб утверждает торжество творческой воли над случайностью и нелепостью жизни. «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, – над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую легенду об очаровательном и прекрасном» – такими словами начинается одно из центральных произведений автора «Творимая легенда», одно из самых загадочных его творений, в котором раскрывается путь в неведомое, в далекое инобытие, созданное единой творческой волей мага. Иными словами, путь к достижению экзистенции начинаются с утверждения богочеловеческого «Я», восстающего против косности жизни.

Как отмечает А. Михайлов, «Сологуб вошел в русскую литературу со своей программой преобразования несовершенной действительности в мир добра и гармонии» [3, с.7]. В этом отношении «Творимая легенда» является парадигматическим произведением Сологуба, в котором сосредоточены ключевые позиции философского и мистического мирозерцания писателя. В нем автор описывает многоплановый ход фантастической истории, в которой начало совпадает с концом, образуя мистический план бытия. Перед нами, по сути дела, вырисовывается странствие душ по бесконечному лабиринту познания. В фантастическом и зачастую гротескном сплетении миров мы видим прообраз нашего падшего мира, искаженного по своей природе, не знающего истинного познания. В этот мир врывается инобытие – волшебная страна Ойле, где легенда и действительность соединяются друг с другом, нарочно выводя наше представление на грань призрачного, фантастического бытия. Роман представляет собой мистическую анаграмму, которая расшифровывается по мере нашего участия в «творимой легенде». Образ мага представлен в романе личностью Триродова, на котором как бы фокусируется все действие романа. Само имя Триродова –

Георгий отсылает к мифологической фигуре Георгия Победоносца, поражающего своим копьем Змия. Эта борьба со Змием ведется Триродовым на протяжении всего романа, в котором противоборство двух сил описывается в двух планах: в плане бытийном, на примере реальных исторических событий, и в плане идеальном, фантастическом, представленном в образе «королевства соединенных островов». Уходя в мир далеких грез, Триродов (а вместе с ним и Сологуб) обретает долгожданное успокоение, уходит в нирвану. Ничтожный мир, как и прежде, отвергается поэтом. Приговор автора беспощаден, и он остается верен ему. По мнению Сологуба, окружающий мир – это мир «явлений, где все обречено увяданию, изнеможению, гибели еще раньше, чем настанет смерть» [6, с.189]. Именно в предчувствии гибели и кроется причина того, что искусство должно быть трагично по своей сути.

В поздних своих произведениях Сологуб, проклиная мертвенность и пустоту мира, восстает против плена Создателя, против разрушающего Времени, доказывая, что переделать мир пустот невозможно, а творить можно только в самом себе: писатель никогда не протянет руку «уродливой, дебелой бабище жизни», ибо над миром возвышает его лирическое «Я».

Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью, –
За горной чертою предела
Воздвигну я душу мою [4, с.253].

Символика этого стихотворения – в вечном возвращении, посредством которого душа обретает покой. Сологуб угадывает бытие в дыхании вечности и этим оправдывает жизнь.

Выводы. Таким образом, характерной чертой творчества Федора Сологуба является экзистенциальная направленность, характеризующаяся стремлением к своеобразному диалогу между Богом и Человеком и по своеобразию и смелости своих суждений открывающая «новую главу» в культуре XX века.

Список литературы

1. Гершензон М. Истлевающие личины// О Ф.Сологубе. – Спб, 1911.
2. Келдыш В. На рубеже художественных эпох// Вопросы литературы. – М., 1993. – Вып.2.
3. Михайлов А. Два мира Федора Сологуба// Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2-х т. – М., 1991. – Т.1.
4. Сологуб Ф. Стихотворения. – Томск, 1995.
5. Сологуб Ф. Демоны поэтов// Творимая легенда: В 2-х т. – М.,1990. – Т.2.
6. Сологуб Ф. Искусство наших дней// Творимая легенда: В 2-х т. – М.,1990. – Т.2.
7. Шабловская И. История зарубежной литературы XX века (первая половина). – Минск, 1998.

Поступила в редакцию 11.03.2005 г.